

Speech genres of confession and sermon to the life of Zosima (the novel of Dostoevsky's «The brothers Karamazov»)

E. A. Fedorova¹, S. A. Besogonova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research Article
Full text in Russian

The article deals with the functioning of such speech genres as confession and preaching in the speech of the elder Zosima. The novelty of the work lies in the study of religious discourse in the work of F. M. Dostoevsky. At the beginning of the work, the historiography of the problem is considered, the studies in which there was an appeal to the genres of confession and preaching in the works of F. M. Dostoevsky (N. M. Chirkov, M. A. Zhirkova, N. V. Zhivolupova). In the main part on the basis of the analysis the appropriate communicative tactics and strategies, characteristic of confession and preaching, respectively, are distinguished. The conclusion is made about the transition in the process of speaking the elder Zosima from the genre of confession to the genre of preaching, which is a necessary condition for addressing the theocentric picture of the world. This fact, in turn, is explained by F. M. Dostoevsky's appeal to the tradition of ancient Russian literature. In the speech of the elder Zosima, Dostoevsky's individual author's style appears minimally.

Keywords: confession; sermon; speech genres; elder Zosima; FM Dostoevsky; The Brothers Karamazov

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Fedorova Elena A. (correspondence author)	E-mail: sole11@yandex.ru Doctor of Philology, Professor at the Department of Communication Theory and Practice
--	---

Besogonova Svetlana A.	E-mail: bess.sweta@yandex.ru Student of the faculty of philology and communication
------------------------	---

Funding: RFFI, project No 18-012-90036

For citation: Fedorova E. A., Besogonova S. A. Speech genres of confession and sermon to the life of Zosima (the novel of Dostoevsky's «The brothers Karamazov») // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2019. Vol. 5, No 3. P. 268–275. (in Russ.)

Речевые жанры исповеди и проповеди в житии старца Зосимы (по роману Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»)

Е. А. Фёдорова¹, С. А. Бесогинова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 811.16

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматривается функционирование таких речевых жанров, как исповедь и проповедь, в речи старца Зосимы. Новизна работы заключается в исследовании религиозного дискурса в творчестве Ф. М. Достоевского. В начале работы рассматривается историография проблемы, указываются исследования, в которых происходило обращение к жанрам исповеди и проповеди в произведениях Ф. М. Достоевского (Н. М. Чирков, М. А. Жиркова, Н. В. Живолупова). В основной части на основе анализа выделяются соответствующие коммуникативные тактики и стратегии, характерные для исповеди и проповеди. Формулируется вывод о переходе в процессе говорения старца Зосимы от жанра исповеди к жанру проповеди, что является необходимым условием обращения к теоцентрической картине мира. В речи старца Зосимы индивидуально-авторские особенности стиля Достоевского проявляются минимально.

Ключевые слова: исповедь; проповедь; речевые жанры; старец Зосима; Ф. М. Достоевский; Братья Карамазовы

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Фёдорова Елена Алексеевна (автор для корреспонденции)	E-mail: sole11@yandex.ru Доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики коммуникации факультета филологии и коммуникации
--	--

Бесогинова Светлана Александровна	Email: bess.sweta@yandex.ru Студентка факультета филологии и коммуникации
-----------------------------------	--

Финансирование: РФФИ: проект № 18-012-90036 «Достоевский в средней и высшей школе: проблемы и новые подходы».

Для цитирования: Федорова Е. А., Бесогинова С. А. Речевые жанры исповеди и проповеди в житии старца Зосимы (по роману Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы») // Социальные и гуманитарные знания. 2019. Том 5, № 3. С. 268–275.

О значении исповеди и проповеди в творчестве Ф. М. Достоевского написано немного. Так, в работе Н. М. Чиркова исповедь рассматривается как *метод* психологического анализа в творчестве Достоевского, позволяющий проникнуть во внутренний мир героя с помощью его самораскрытия [1, с. 66]. М. А. Жиркова в своем исследовании обращается к античной и средневековой традиции исповеди, к жанру литературной исповеди [2]. Цель исповеди и проповеди, по ее мнению, – искоренение грехов и спасение души [Там же. С. 25]. В литературной исповеди, по мнению исследователя, эти жанры соединяются, при этом не учитывается разная авторская интенция [Там же. С. 28–30]. М. А. Жиркова подробно проанализировала исповедь и проповедь Зосимы в романе «Братья Карамазовы», но не рассмотрела при этом речевые стратегии и тактики и особенности религиозного дискурса.

Н. В. Живолупова обращается к проблеме авторской позиции в исповедях героев повестей Ф. М. Достоевского 60–70-х гг. XIX в. и подразделяет исповедальное повествование на два типа: исповедь героя-единомышленника и исповедь героя, взятого автором в качестве объекта исследования [3, с. 13]. В первом случае авторская позиция совпадает с позицией героя, что создает этическую перспективу в романе [Там же. С. 28]. Исследователь выделяет исповедь антигероя Ф. М. Достоевского как отдельный субжанр и отмечает, что эпистемологическая установка текста исповеди антигероя предстает как жанрообразующая черта, поскольку позиция философского вопрошания (потребности духовной самореализации) – самая характерная для субъекта исследуемого субжанра [Там же. С. 278].

Некоторые особенности речевого жанра проповеди в авторском дискурсе в «Дневнике писателя» отмечает Л. А. Гаврилова, в частности, то, что проповедь автора [Достоевского] ориентирована на конвергентный диалог с читателем, Достоевский стремится донести до читателя обретенные свыше смыслы. Художественной трансформацией проповеди он не постулирует Евангельскую истину как идеологему, а призывает читателя задуматься о ней, вовлекает его в соразмышление о происходящем, опираясь на Слово Христа [4, с. 108]. «Дневник писателя» создавался Достоевским параллельно с романом «Братья Карамазовы», поэтому писатель использовал общие художественные приемы.

Таким образом, в своих работах исследователи придерживаются разных мировоззренческих установок и обращаются к различным аспектам проблемы. на наш взгляд, речь Зосимы выстраивается Достоевским по принципам религиозного дискурса, поэтому необходимо учитывать библейскую традицию. Кроме того, одна из главных проблем современной науки о Достоевском – проблема соотношения авторского голоса и голоса героя.

Согласно исследованию М. М. Бахтина, существенным (конститутивным) признаком высказывания является его *обращенность* к кому-либо, его *адресованность*. Адресат может быть непосредственным участником-собеседником бытового диалога, но может быть и совершенно неопределенным, неконкретизованным *другим*. В этом отношении интересны исповедальные жанры, в которых, как пишет исследователь, учет адресата и предвосхищение его ответной реакции часто бывает многосторонним, сложным и напряженным [5]. Рассмотрим место двух основных исповедальных жанров – исповедь и проповедь – в церковной традиции.

Под исповедью, или «таинством исповеди», понимают «одно из семи таинств церкви, в котором кающемуся христианину прощаются содеянные им грехи и дается «благодатная помощь на исправление жизни»» [6, с. 131]. Исповедь как жанр отлича-

ется коммуникативной свободой, а также стилевой и композиционной независимостью. Содержание, стиль и композиция исповеди будут зависеть лишь от широты мировоззрения, степени покаяния и состояния внутреннего мира человека [7, с. 13].

Проповедь же определяется как «возвещение евангельского учения о нашем спасении в живой речи перед народом» [8, с. 10–11]. Архимандрит Феодосий (Бильченко) в своем размышлении о природе проповеди делает акцент на ее духовной составляющей: «Христианская проповедь – прежде всего проявление духа и силы» [9, с. 21]. Определенная специфика проповеди состоит в том, что она не сообщает аудитории новой информации. Проповедник лишь транслирует смыслы, закрепленные в учении. Описываемые, объясняемые, упоминаемые в проповеди события уже свершились и зафиксированы в прецедентных источниках. Исключая новизну в содержании, формат проповеди позволяет сообщать о событиях и ориентировать в них аудиторию [10, с. 145].

М. В. Михайлова в своем исследовании исповеди пришла к выводу, что в рамках религиозного дискурса эпистемика проповеди существенно отличается от эпистемики исповеди. Если в первой практически безраздельно доминирует вера в Бога, то во второй отражается более сложное когнитивное состояние: от знания о собственных прегрешениях исповедующегося до его веры во всезнающего Бога [11, с. 10–11]. По мнению Е. В. Бобыревой, в жанровых образцах с превалированием исповедальной стратегии развития человек выступает в качестве обличителя самого себя, своих поступков и решений, мыслей, которые, с его точки зрения, являются греховными. Человек в данном случае демонстрирует способность мыслить, анализировать, давать оценку своим действиям, поступкам, а нередко и жизни в целом [12].

Исповедальная и проповедческая речевая стратегия, по мнению В. И. Карасика, являются частью религиозного дискурса [13]. Исповедальная стратегия в известной мере близка молитвенной стратегии. Призывающая, утверждающая и разъясняющая стратегии религиозного дискурса составляют суть проповеди. Проповедь представляет собой истолкование священного текста. Проповедь сходна с беседой и лекцией, но отличается от этих жанров прежде всего принадлежностью к особому общению – религиозному. Человек, произносящий проповедь, говорит не только в присутствии Бога, но и от лица Бога. Именно поэтому от проповедника требуется внутреннее озарение [Там же. С. 137–140]. Проповедь является обратной проекцией исповеди: в обоих случаях священнослужитель выступает в роли медиума, но при исповеди коммуникативный вектор направлен в сторону Бога, а при проповеди – в сторону человека [Там же. С. 420].

Таким образом, главное различие исповедальных жанров состоит в их разной целенаправленности. Исповедь – это интимный жанр, беседа с Богом через посредника, говорящий думает о спасении своей души и движется к ее очищению, осознавая свое несовершенство. При этом исповедь предполагает обращение к прошлому, тип речи – размышление. Необходимой составляющей исповеди является самоанализ, т. е. преобладает рациональное, интеллектуальное начало. Проповедь, в свою очередь, является публичным (площадным) жанром, это беседа с людьми с целью воздействия на них, обращения их к Богу, когда говорящий думает о несовершенстве человека вообще, при этом возрастает значение воздействия на чувства и волю слушателя. В проповеди используется не только ретроспекция, но и проекция.

«Житие в Бозе преставившегося иеросхимонаха старца Зосимы» состоит из четырех частей: «О юноше брате старца Зосимы», «О Священном Писании в жизни отца Зосимы», «Воспоминания о юности и молодости старца Зосимы» и «Таинственный

посетитель». В житие включены речевые жанры исповеди и проповеди, которые звучат в речи Маркела, брата Зосимы (первая часть), самого Зосимы (третья часть), его знакомого Михаила (четвертая часть).

В речи Маркела соединяется интимный и публичный жанр, исповедь и проповедь, поскольку его слова обращены к близким ему людям: *«Мама, радость моя, говорит, нельзя, чтобы не было господ и слуг, но пусть же и я буду слугой моих слуг, таким же, какими и они мне. Да еще скажу тебе, матушка, что всякий из нас перед всеми больше всех виноват, а я более всех»* [14, с. 262]. Разъясняющая стратегия в этом высказывании сменяется призывающей, которая переходит в утверждающую стратегию. Это свойственно проповеди, но заканчивает свою речь Маркел обличением себя, покаянием, т. е. исповедью.

В рассказе Зосимы о своей молодости преобладает исповедальный жанр: *«...преобразился в существо почти дикое, жестокое и нелепое»* [Там же. С. 268], *«велико себя скверно, а пуще всех я»* [Там же], *«стал наконец безобразен и нелеп»* [Там же. С. 269], *«...сорок лет тому минуло времени, а припоминаю и теперь о том со стыдом и мукою»* [Там же. С. 270]. Воспоминание о прошлом грехе переживается в настоящем времени, поскольку только такое покаяние может быть предостережением для человека в будущем. Речь Зосимы обращена к Алеше Карамазову, его духовному чаду, в котором он увидел похожего на своего брата человека, поэтому он использует интимные речевые жанры.

Исповедальная стратегия пронизывает воспоминания Зосимы о дуэли, с которой начался в его душе переворот. Перед дуэлью он посмотрел на себя с позиции внесловной и испытал стыд: *«Вижу восходит солнышко, тепло, прекрасно, зазвенели птички. Что же это, думаю, ощущаю я в душе моей как бы позорное и низкое? (...) и вдруг сейчас же и догадался, в чем было дело: в том, что я вечера избил Афанасия! (...) Все мне вдруг снова представилось, точно вновь повторилось: стоит он предо мною, а я бью его с размаху прямо в лицо, а он держит руки по швам, голову прямо, глаза выпучил как во фронте, вздрагивает с каждым ударом и даже руки поднять, чтобы заслониться, не смеет, и это человек до того доведен, и это человек бьет человека! Экое преступление! Словно игла острая прошла мне всю душу насквозь. И представилась мне вдруг вся правда, во сем просвещении своем... Закрыв я обеими ладонями лицо, повалился на постель и заплакал навзрыд»* [Там же]. В своей речи Зосима переходит от интонации недоумения к интонации негодования, его исповедь включает жанр обличения. Его душа, освобождаясь от греха, открывается навстречу Богу. «Просвещение» здесь представлено как обретение духовного зрения человеком, которому открылся духовный свет.

Михаил, «таинственный посетитель» Зосимы, часто обращается к проповеди в своей речи: *«Раньше, чем не сделаешься в самом деле всякому братом, не наступит братства»* [Там же. С. 275], *«Повсеместно ныне ум человеческий начинает насмешливо не понимать, что истинное обеспечение лица состоит не в личном уединенном его усилии, а в людской общей целостности»* [Там же. С. 276]. Этот герой использует разъясняющую и утверждающую стратегию, обращаясь к Зосиме, который его младше по возрасту и ниже по социальному статусу. Исповедальные интонации появляются в речи героя, когда он высказывает решимость признаться в совершенном 14 лет назад убийстве: *«Пострадать хочу. Приму страдание и жить начну. Неправдой свет пройдешь, да назад не воротись. Теперь не только ближнего моего, но и детей моих любить не смею. Господи, да ведь поймут же дети, может быть, чего стоило мне страдание мое, и не осудят меня!»* [Там же. С. 280]. Утверждающая стратегия героя переходит в обличающую, которая дополняется молитвенной. Показывая свою

греховность, говорящий выражает веру в милосердие Господа и подкрепляет себя цитатой из жития Александра Невского: «Не в силе Бог, а в правде».

Кульминацией главы «Из жития в Бозе преставившегося иеросхимонаха старца Зосимы» является часть «О Священном Писании в жизни отца Зосимы». Здесь упоминается чтение библейских книг, раскрывающих смысл земной жизни: Книга Иова, притчи из Евангелия от Луки, Деяние Апостола Павла, Житие Марии Египетской, Житие Алексия человека Божия. Воспоминание об участии в детстве в богослужении перерастает в слове Зосимы в пересказ Книги Иова и проповедь.

Главная тема проповеди Зосимы – это сохранение души человеческой в ее чистоте и смирении. Обращение к воспоминаниям о детстве, по его мнению, должно напомнить о необходимости сохранять главные ценности: *«Из дома родительского вынес я лишь драгоценные воспоминания, ибо нет драгоценнее воспоминаний у человека, как от первого детства его в доме родительском, и это почти всегда так, если даже в семействе хоть сколько чуть-чуть любовь да союз. Да и от самого дурного семейства могут сохраняться воспоминания драгоценные, если только сама душа твоя способна искать драгоценное»* [Там же. С. 264]. Детское воспоминание о посещении храма становится визуальным символом диалога человека и Бога: *«...Точно вижу вновь, как возносился из кадила фимиам и тихо восходил вверх, а сверху в куполе, в узенькое окошечко, так и льются на нас в церковь Божьи лучи, и, восходя к ним волнами, как таял в них фимиам. Смотрел я умиленно и в первый раз от роду принял я тогда в душу первое семя слова Божия осмысленно»* [Там же].

Пример диалога человека и Бога, когда человек сохраняет смирение для принятия воли Божией, Зосима находит в Книге Иова, которая читается на литургии Страстного Понедельника: *«...Бог, отдающий раба своего на погибель, и раб его восклицает: «Буди имя твое благословенно, несмотря на то, что казнишь меня», - а затем тихое и сладостное пение во храме: «Да исправится молитва моя»* [Там же].

Исповедь Зосимы переходит в его проповедь [15, с. 264]. При этом значительная часть книги «О Священном Писании в жизни отца Зосимы» посвящена пересказу книги Иова. Одной из основных коммуникативных тактик, используемых в проповеди, является апелляция к авторитету – Священному Писанию. Кроме того, можно отметить и другие тактики: апелляция к собственному опыту: *«Господи! думаю, дай Бог им более сего столь драгоценного для них содержания (ибо справедлива и их жалоба), но воистину говорю: если кто виноват сему, то наполовину мы сами!»* [14, с. 396]; апелляция к категориям Добра и Зла (Истины и Лжи), которая перекликается с апелляцией к чувствам адресата: *«А Иов, хваля Господа, служит не только ему, но послужит и всему созданию его в роды и роды и во веки веков, ибо к тому и предназначен был»* [Там же. С. 395].

Как отмечает Г. А. Савин, задача проповедника состоит в донесении смысла Слова Бога до сознания людей с целью формирования определенной картины мира и модели поведения. Такая передача смысла представляет собой ту или иную адаптацию первичного текста (Божественного Слова) к возможностям человеческого разума. Адаптация может состоять в полном или частичном переводе первичного текста на более понятный язык, при этом вторичный текст может быть и расширением исходного и, напротив, его сжатием (компрессией). Таким образом, именно проповедь позволяет «ожить» сакральному слову Священного Писания и/или Священного Предания, которое, в свою очередь, воспринимается слушателем безусловно и безапелляционно как истина в последней инстанции [16]. Подобным образом действует и старец Зосима: он обращается не к чтению Книги Иова, а именно к ее пересказу и беседе со слушателем.

Пересказывая Книгу Иова, Зосима старается сохранить ритм Священного Писания: «И похвалился Бог диаволу, указав на великого святого раба своего. И усмехнулся диавол на слово Божие: «Предай его мне и увидишь, что возропчет раб твой и проклянет твое имя. И предал Бог своего праведника, столь им любимого, диаволу, и поразили диавол детей его, и скот его, и разметал богатство его, все вдруг, как Божиим громом, и разодрал Иов одежды свои. И бросился на землю, и возопил: «Наг вышел из чрева матери, наг и возвращусь в землю, Бог дал, Бог и взял. Буди имя благословенно отныне и во веки» [14, с. 264]. Маркировкой сакрального слова становится союз «и», с которого начинается каждый стих, как в Библии: «И был день, когда пришли сыны Божии предстать пред Господа; между ними пришел и сатана. И сказал Господь сатане: откуда ты пришел? и отвечал сатана Господу и сказал: я ходил по земле и обошел ее. И сказал Господь сатане: обратил ли ты внимание твое на раба Моего Иова? ибо нет такого, как он, на земле: человек непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла» [Иов 6:8]. Перед толкованием Священного Писания Зосима обращается к слушателям с просьбой, в которой звучит мольба: «Отцы и учителя, пощадите теперешние слезы мои – ибо все младенчество мое как бы вновь встает передо мною...» [Там же]. Зосима использует интимный жанр, сокращая дистанцию между собой и слушателями.

При толковании Книги Иова Зосима обращается к оппонентам: «Слышал я потом слова насмешника и хулителя, слова гордые: как это мог Господь отдать любимого из святых своих на потеху диаволу...» [Там же. С. 265]. В его речи звучит интонация негодования, упрека, обличения, возражения, а затем снова разъяснения и утверждения. Гимн жизни и Богу, который создает Зосима («Благословляю восход солнца ежедневный, и сердце мое по-прежнему поет ему...»), перерастает в предчувствие грядущей встречи души, которая обрела целостность, с Богом: «Кончается жизнь моя, знаю и слышу это, но чувствую на каждый оставшийся день мой, как жизнь моя земная соприкасается уже с новою, бесконечною, невозможною, но близко грядущею жизнью, от предчувствия которой трепещет восторгом душа моя, сияет ум и радостно плачет сердце...» [Там же].

Переход в процессе коммуникации от жанра исповеди к жанру проповеди является необходимым условием обращения к теоцентрической картине мира, характерной для древнерусской словесности [15]. Следовательно, при создании образа старца Зосимы Ф. М. Достоевский опирался не только на реально существующие факты (известно, что прототипом Зосимы являются иеромонах Амвросий Оптинский, епископ Тихон Задонский), но и на традиции древнерусской литературы.

Особенностью художественного синтаксиса Достоевского, как заметила Е. А. Иванчикова, преимущественно в рассуждающей речи, является «акцентирование, усиление, уточнение смысла отдельных частей высказывания, а также разъяснение, убеждение, внушение; в большинстве случаев то или иное смысловое выделение элементов рассуждения осуществляется взаимодействием собственно структурных средств со средствами интонационно-ритмическими» [17, с. 286]. Эти особенности характерны для разговорной речи, поэтому они проявляются и в речи старца Зосимы, в его исповеди и проповеди, но не в пересказе Книги Иова, ориентированном на библейское слово. Л. В. Беляева отметила такую особенность индивидуально-авторского стиля Достоевского, как создание окказионализмов, обусловленных мировоззрением писателя, его ключевыми идеями. В «житии Зосимы» эта лексико-фразеологическая особенность стиля Достоевского не проявляется.

Синтаксис художественной речи Достоевского, ориентированный на разговорную речь, «в житии старца Зосимы» сочетается с интонационными сломами, которые

сопровождает переходы от жанра исповеди к проповеди. Интимный жанр исповеди и просьбы, мольбы сокращает дистанцию между повествователем и читателем (слушателем) и делает речь героя более эффективной. Открытость героя для слушателя и для «высшего наадресата» (Бога) помогает ему обрести целостность и покой. В речи старца Зосимы минимально проявляются индивидуально-авторские особенности стиля Достоевского.

Ссылки / References

1. Чирков Н. М. О стиле Достоевского. М., 1964. 300 с.
2. Жиркова М. А. Исповеди в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: учеб. пособие. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2017. 140 с.
3. Живолупова Н. В. «Христос и истина» в исповеди антигероя (Достоевский, Чехов, Набоков, Вен. Ерофеев) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2008. № 5. С. 278–285.
4. Гаврилова Л. А. Проповедь в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского (на материале выпусков 1876 г.) // Верхневолжский филологический вестник. 2015. С. 103–109.
5. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. URL: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm#I (дата обращения: 10.03.2019)
6. Практическая энциклопедия православного христианина. Основы церковной жизни. СПб.: Сатисъ-Держава, 2003. 330 с.
7. Пригарина А. С. Исповедь как жанр и интенция // Известия ВГПУ. Воронеж, 2011. С. 11–15.
8. Архиепископ Аверкий (Таушев) Руководство по гомилетике. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2001.
9. Гомилетика: Теория церковной проповеди. Архиепископ Полоцкий и Глубокский Феодосий (Бильченко), магистр богословия. М.: Самшит-издат, 2007.
10. Футкарадзе Н. Д. Общие характеристики церковной проповеди как жанра религиозного дискурса // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. СПб, 2010. С. 141–146.
11. Михайлова М. В. Молчание и слово (таинство покаяния и литературная исповедь) // Метафизика исповеди. Пространство исповедального слова: материалы Междунар. конф. Санкт-Петербург, 26–27 мая 1997 г. СПб.: Изд-во Ин-та человека РАН, 1997. С. 9–14.
12. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии: на материале православного вероучения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. 49 с.
13. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 465 с.
14. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом); редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1975. Т. 14. Братья Карамазовы: Роман в 4 ч. с эпилогом / текст подгот. В. Е. Ветловская, Е. И. Кийко. Кн. 1–10. 511 с.
15. Гаричева (Федорова) Е. А. Евангельское слово и традиции древнерусской словесности в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: ПГУ, 2012. № 10. С. 188–195.
16. Савин Г. А. Коммуникативные стратегии и тактики в речевом жанре современной православной проповеди: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 53 с.
17. Иванчикова Е. А. Синтаксис художественной прозы Достоевского. М.: Наука, 1979. 285 с.